

УДК 821.161.1-1

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЦЕПЦИИ: ГЁТЕВСКИЕ ИДЕИ И ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА**С. А. Корниенко**

Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

Статья посвящена анализу влияния И. В. Гёте на мироощущение и творчество О. Э. Мандельштама. Автор выделил три этапа влияния Гёте на Мандельштама и показал, каким образом это влияние сказалось на его художественном сознании и творчестве. Гётевские рецепции прослеживаются как в лирических, так и в прозаических произведениях Мандельштама 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: *И. В. Гёте, О. Э. Мандельштам, рецептивные идеи и образы, аллюзии, творческое влияние, акмеизм.*

В. М. Жирмунский писал о влиянии И. В. Гёте на русскую литературу: «О Гёте можно сказать, что ни на одном этапе развития русской литературы его влияние не было настолько значительно, чтобы, исключив из ее состава все то, что обязано своим происхождением непосредственно И. В. Гёте, мы тем самым могли существенно изменить общий характер литературной продукции эпохи» [2, с. 29]. По мнению литературоведа, влияние И. В. Гёте было существенным лишь в отношении отдельных представителей русской поэзии XIX века, в частности, Ф. И. Тютчева и А. А. Фета; что касается поэзии XX века, то речь должна идти, по его мнению, лишь о косвенном влиянии, в основном через переводы.

Думается, что сегодня, когда в полном объеме известны произведения О. Э. Мандельштама, настало время скорректировать суждение патриарха российского сравнительного литературоведения. Мы полагаем, что влияние Гёте на мироощущение и творчество Мандельштама было прямым (ведь поэт выучил немецкий язык еще в детстве и читал Гёте в оригинале) и в достаточной мере значительным. Доказательству этого тезиса и посвящена данная статья. Речь пойдет не только об интертекстуальности [5], но гораздо шире: о влиянии одного гениального творца на формирование мироощущения другого.

Произведения И. В. Гёте сопровождали поэта на протяжении всей жизни, оказывая различное по силе и характеру влияние на его творчество. Процесс восприятия Мандельштамом личности и творческого наследия великого немецкого поэта можно разделить на три периода. Первый из них приходится на детские и юношеские годы, когда он впервые знакомится с творчеством Гёте в отцовской библиотеке. Второй период приходится на конец 1910-х – середину 1920-х гг. (время создания «Tristia», «Стихов 1921–1925 годов», ряда литературно-критических эссе и книги воспоминаний «Шум времени»). И третий период – 1930-е гг. («Московские стихи», «Воронежские тетради» и радиосценарий «Юность Гёте»).

Остановимся подробнее на первом периоде гётевского влияния на Мандельштама, рефлексивно отраженным в его автобиографической прозе «Шум времени» (1923). Поэт, выросший в мультикультурной, но в основном русскоговорящей семье,

называет своё детство «хаосом иудейства» [8, т. 2, с. 213]. В петербургской квартире было множество книг, в том числе и большое количество религиозной литературы, на «руинах» которой из кирпичиков русской классической поэзии выросло миропонимание О.Э. Мандельштама как поэта. Он с ранних лет предпочитал мировую классику вороху «нечитаемых книг “Бытия”, заброшенных в пыль на книжную полку шкафа, ниже Гёте и Шиллера» [Там же, с. 214].

На становление О.Э. Мандельштама как поэта оказала большое влияние классика немецкой литературы, а также книги его матери на русском языке. Одна из характеристик поэзии О.Э. Мандельштама, по точному замечанию Л.Г. Кихней, это стремление автора «одомашнить» многие окружающие его явления [4]. Сначала он не принимает и дистанцируется от них, затем приближает их к себе и в конце концов вписывает их в свою картину мира. Во времена своей молодости он хорошо чувствовал разницу между А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым, а вот И.В. Гёте и Ф. Шиллера считал близнецами.

Второй период гётевских рецепций характеризуется структурным подходом: упоминания и отсылки к И.В. Гёте приобретают систематический характер. В своих эссе О.Э. Мандельштам часто делает аллюзии на творчество и биографию великого немца. Например, по мнению П. Нерлера, в статье «Пшеница человеческая» И.В. Гёте является для русского поэта «одним из высших представителем европейскости» [10, с. 171]. Для него Европа – «...земля, несущая Рим и собор святого Петра, земля, носившая Канта и Гете <...>». Так альпийские стихи Тютчева одухотворены историческим ощущением европейской почвы, и двойной тиарой для поэта увенчаны европейские Гималаи» [8, т. 2, с. 86]. И.В. Гёте для О.Э. Мандельштама того периода – это вершина европейкой культуры.

В стихах и статьях О.Э. Мандельштама второго периода мы находим ряд переключек с творчеством немецкого поэта. Очевидной отсылкой к «гётевскому следу» является название статьи Мандельштама, посвященной анализу ситуации в русской поэзии первой четверти XX в., – «Буря и натиск». Очевидно, что Мандельштам выстраивает историко-литературную параллель с процессами, происходившими в немецкой литературе первой четверти XIX в., ведь одним из застрельщиков “Sturm und Drang” и самым талантливым из «бурных гениев» был именно молодой И.В. Гёте.

Гётевские подтексты появляются и в лирических стихотворениях О.Э. Мандельштама конца 1910-х – начала 1920-х гг. Так, прямая отсылка к известной балладе Гёте «Лесной царь» присутствуют в стихотворении «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918): «Старинной песни мир – коричневый, зеленый, / Но только вечно молодой, / Где соловьиных лип рокошующие кроны / С безумной яростью качает царь лесной» [Там же, т. 1, с. 101]. Эти строки определённо навеяны описанием «Лесного царя» в балладе: “Siehst, Vater, du den Erlkönig nicht? / Den Erlkönig mit Kron’ und Schweif?” («Ты не видишь лесного царя, отец? Лесного царя с короной и хвостом?») (перевод наш – С.К.) [13]. В немецком языке у слова “die Krone”, помимо значения «корона», есть и значение «крона дерева», и именно это значение использовал Мандельштам во фрагменте, посвященном лесному царю.

Еще один гётевский подтекст обнаруживается в стихотворении «Грифельная ода» (1923). В стихе «Двурушник я, с двойной душой» [8, т. 1, с. 135] В. Микшевич справедливо усматривает связь с фаустовскими строками: “Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust” [9, с. 62]. В герое «Грифельной оды», как и в Мефистофеле, слилось небесное и земное, он сочетает в себе все стихии и человеческое

начало, принадлежность к таинственным обществам и плоть от плоти народа, божественное и inferнальное, характеристики творца и задатки разрушителя миров. Оба героя воплощают в себе целый мир во всей его противоречивости.

В целом второй период гётевского влияния интересен тем, что Гёте для Манделштама превращается из столпа мировой литературы, некоего далёкого, недоступного для понимания, но чрезвычайно манящего своей мощью феномена, в живого человека, в литературного коллегу, старшего собрата по перу, у которого можно позаимствовать многое в его взглядах и технике стихосложения. Любопытно, что в 1930-е гг., по свидетельству Н. Я. Манделштама, интерес Манделштама к поэзии XX в. снизился и он начал покупать книги по зарубежной классической литературе, в первую очередь И. В. Гёте: «В Армении О. М. вернулся к немцам и в тридцатых годах усиленно их покупал – Гёте, романтиков – Бюргера, Ленау Эйхендорфа, обоих Клейстов, Гердера и еще, и еще» [6, с. 288].

В творчестве Манделштама 1930-х гг. (в третьем рецептивном периоде по нашей классификации) И. В. Гёте из собрата по литературному «цеху» превращается в «лирического героя» его стихов, своего рода “alter ego” поэта. Манделштам всё чаще сравнивает себя с великим немцем, даже находит биографические аналогии. Так, для него поездка в Армению, ставшая переломным моментом, – это гётевское «Итальянское путешествие». Р. Дутли пишет об этом времени: «Его собственный замысел, связанный с Арменией, также обернется встречей Востока и Запада в духе «Западно-восточного дивана» Гете, однако – в характерно манделштамовском ключе» [1, с. 231]. В Армении О. Э. Манделштам наконец освободился от наваждения столицы, но даже там он не переставал чувствовать опасность, исходящую от государства и грозящую ему и людям вокруг. К этому периоду относятся и прямые упоминания имени Гёте в произведениях Манделштама, например, в стихотворении «К немецкой речи» (1932). Выдвинем гипотезу, что в этом стихотворении отразился неосуществленный замысел Манделштама написать труд, посвященный биографии великого немца. В строках «Еще во Франкфурте отцы зевали, / Еще о Гёте не было известий» [8, т. 1, с. 179] мы видим лирическое отражение материалов к биографии И. В. Гёте, что воплотилось позже в сценарии для радиопостановки «Юность Гёте». Имя Гёте упоминается и в стихотворении «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме...» (1933–1934), входящем в цикл «Восьмистишия»: «И Гёте, свищущий на вьющейся тропе...» [Там же, с. 186].

По мнению Г. Киршбаума, образ немецкого поэта навеян здесь путешествием О. Э. Манделштама по Армении, по высокогорным извилистым тропам [3]. Но мы полагаем, что мотивация упоминания имени Гёте может быть интерпретирована иначе. В финальном двустишии: «И те, кому мы посвящаем опыт, // До опыта приобрели черты» [8, т. 1, с. 186], – Манделштам намекает, что образ Гёте может быть связан с совсем другим событием.

Третье упоминание имени Гёте в поздней лирике поэта встречаем в стихотворении «Рим» (1935). Выдвинем предположение, что и «римский текст» Манделштамом воспринимался сквозь призму гётевских рецепций. Ведь еще для раннего Манделштама «Рим был <...> совершеннейшим произведением природы» [11, с. 36]. Вспомним хотя бы его стихотворение 1914 г. «Природа – тот же Рим и отразилась в нем...» [8, т. 1, с. 76]. Аналогичное восприятие Рима мы находим у И. В. Гёте в его первой римской элегии: “Eine Welt zwar bist du, o Rom; doch ohne die Liebe Wäre die Welt nicht die Welt, wäre denn Rom auch nicht Rom” [14]. Рим поражал обоих поэтов своим величием, исторической значимостью, монументальной красотой. В

«римском тексте» О. Э. Манделъштама, как и у Гёте, мы видим тоску по навсегда ушедшему величию «вечного» города.

В воронежской ссылке Манделъштам написал цикл радиопостановок, из которых до нас дошла только «Молодость Гёте» (1935). За основу была взята автобиографическая книга И. В. Гёте «Поэзия и правда» [12]. В ней он старался найти те эпизоды, которые ему лично были близки или совпадали с фактами из его собственной биографии. Из воспоминаний вдовы поэта мы узнаем, что поэт как бы примеривал жизнь, биографию И. В. Гёте на себя: «Тема воссоздания своей жизни, своих возрастов очень характерна для Манделъштама. Именно ради нее он взялся за «Юность Гёте» [7, с. 221].

Итак, пик влияния И. В. Гёте на О. Э. Манделъштама приходится на середину 1930-х гг. Это выражено как в постоянном обращении к произведениям немецкого автора, так и в изучении его биографии и сопоставлении с событиями своей жизни. В этот период мы находим прямые отсылки и апелляции к имени Гёте, к его взглядам, философским представлениям – как в эссе Манделъштама, так и в его лирических стихах.

Список литературы:

1. Дутли Р. Век мой, зверь мой. Осип Манделъштам. Биография. СПб.: Академический проект, 2005. 432 с.
2. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л.: Худож. лит., 1937. 674 с.
3. Киришбаум Г. Валгаллы белое вино. [Электронный ресурс] // Библиотека электронной литературы в формате fb2. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/K/kirshbaum-genrih/valgalli-beloe-vino/5>. (Дата обращения: 25.07.2017.)
4. Кихней Л. Г. Осип Манделъштам: Бытие слова. М.: Диалог МГУ, 2000. 146 с.
5. Кихней Л. Г. К механизму образования интертекстуальных мотивов: мотивный комплекс волчьей травли в русской поэзии XX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. Вып. 1. С. 46–58.
6. Манделъштам Н. Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 552 с.
7. Манделъштам Н. Я. Комментарии к стихам 1930–1937. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 544 с.
8. Манделъштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 811 с.; Т. 2. Проза. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 759 с.
9. Микушевич В. Двойная душа поэта в «Грифельной оде» Манделъштама // Сохрани мою речь. Вып. 3. Ч. 1. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2000. С. 55–62.
10. Нерлер П. Гёте в произведениях Манделъштама // Con amore: Этюды о Манделъштаме. М.: Нов. лит. обозрение. 2014. С. 171–174.
11. Пшыбыльский Р. Рим Осипа Манделъштама // Манделъштам и античность: сб. статей. М.: Радикс, 1995. С. 33–64.
12. Goethe J. W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. [Электронный ресурс] // Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe+Johann+Wolfgang/Autobiographisches/Aus+meinem+Leben.+Dichtung+und+Wahrheit>. (Дата обращения: 10.10.2017.)
13. Goethe J.W. Erlkönig. [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Erlk%C3%B6nig_\(Ballade\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Erlk%C3%B6nig_(Ballade)). (Дата обращения: 05.07.2017.)
14. Goethe J.W. Faust: eine Tragödie [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc143790965_437031229hash=1164879c645ec1eb77&dl... (Дата обращения: 05.07.2017.)

15. Goethe J.W. Römische Elegien [Электронный ресурс] // Spiegel online. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-3666/1>. (Дата обращения: 08.08.2017.)

**ON THE PROBLEM OF LITERARY RECEPTION:
GOETHE'S IDEAS AND IMAGES
IN O. E. MANDELSTAM'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS**

S.A. Kornienko

Institute of international law and Economics named after A. S. Griboedov
Department of History of Journalism and Literature

The article is devoted to analysis of influence of J. W. Goethe on the world outlook and works of O. E. Mandelstam. Three periods of Goethe's influence on Mandelstam are isolated, and the mode of this influence on Mandelstam's artistic consciousness and works is shown. Reception of Goethe is traced not only in lyrical works but also in prose of Mandelstam in the 1920–30.

Keywords: *J. W. Goethe, O. E. Mandestam, receptive ideas and images, allusions, artistic influence, akmeism.*

Об авторе:

КОРНИЕНКО Сергей Анатольевич – аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: sergeykornienko@mail.ru.

About the author:

KORNIENKO Sergey Anatolievich – Postgraduate Student at the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Enthusiastov shosse, 21), e-mail: sergeykornienko@mail.ru.